

УДК 81'38; 81'42

## ДИСКУРС ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

**Мария Андреевна Ширинкина**

**к. филол. н., доцент кафедры русского языка и стилистики**

**Пермский государственный национальный исследовательский университет**

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. m555a@yandex.ru

С учетом сходства методологических принципов двух направлений лингвистики – дискурсивного анализа и функциональной стилистики – обосновывается употребление понятия *дискурс* при изучении совокупности текстов, создаваемых представителями органов исполнительной власти в процессе выполнения ими установленных законом и описанных в теории административного права функций: правоприменительной, правозащитной, социально-экономической, нормотворческой, регулирующей, юрисдикционной и др. Объясняется, что дискурсивный компонент такого подхода заключается в исследовании экстралингвистических факторов в ситуации общения исполнительной власти, стилистический компонент – в изучении языковых средств выражения особого содержания. В качестве экстралингвистической основы дискурса исполнительной власти рассматривается комплекс внеязыковых факторов, а именно: субъекты коммуникативной деятельности – исполнительная власть (органы и должностные лица), виды деятельности и функции, которые осуществляет исполнительная власть в государстве, а также участники общения в этой сфере и их коммуникативные цели. В статье приводится примерный список жанров дискурса исполнительной власти, которые предполагается в дальнейшем анализировать в функционально-стилистическом аспекте.

**Ключевые слова:** функциональная стилистика; дискурс; дискурсивный анализ; деловой текст; экстралингвистические факторы; письменный дискурс исполнительной власти.

doi 10.17072/2037-6681-2016-3-67-74

Среди доминирующих теорий конца XX–начала XXI в. называют дискурс-анализ, о чем свидетельствуют, к примеру, многочисленные диссертационные исследования, основывающиеся на методологических принципах этого научного направления, а также научные сборники, журналы и альманахи, объединяющие исследователей смежных гуманитарных отраслей знания общим для них предметом изучения – дискурсом (см.: Методология исследований политического дискурса...; Дискурс-Пи; Современный дискурс-анализ; Язык. Текст. Дискурс и мн. др.).

Дискурс-анализ возник в 60-е гг. XX в. в контексте нарастающей тенденции языкознания к функционализму как самостоятельное направление мировой лингвистики, в то время как в отечественном языкознании употребление языка стало предметом изучения функциональной стилистики. Сегодня в российской лингвистике существуют два параллельных, довольно похожих научных направления – функциональная

стилистика и дискурс-анализ (об их близости писали многие [Серио 1985; Арутюнова 1990; Степанов 1995; Чепкина 2000, 2003; Салимовский 2002; Кожина 2004а, 2004б, 2005]).

Проблема соотношения функциональной стилистики и дискурс-анализа специально сформулирована и детально рассмотрена в статьях М. Н. Кожиной. Рассмотрим, в чем заключаются сходство и различие этих лингвистических направлений. Заметим, что наиболее близким к функциональной стилистике стал французский дискурс-анализ, так как именно он предполагал изучение речи в условиях коммуникативной ситуации – экстралингвистического контекста.

Первое, что сближает дискурс-анализ и функциональную стилистику, – это речеведческий характер предмета исследования. Хотя при появлении термин *дискурс* употреблялся в разных значениях: «это и речь, и связный текст, и диалог, и беседа» [Кожина 2004б: 14], во всех определениях можно наблюдать особую направлен-

ность: исследование процессов употребления, использования языка в реальной действительности – в контексте экстралингвистических факторов.

При этом дискурс-анализ в большей степени нацелен на описание внешних условий существования (употребления, использования) языковых единиц, а именно «к социальным и психологическим категориям, минуя хитроумный анализ различных тонкостей языка» [Серио 1999: 31]. В этом его отличие от функциональной стилистики.

Далее для сопоставления функциональной стилистики и дискурсного анализа следует соотнести ключевые понятия этих научных направлений – функциональный стиль и дискурс. Опираясь на рассуждения М. Н. Кожиной, приведем развернутую цитату, чтобы не исказить существа излагаемой ею позиции. Так, в качестве общих параметральных признаков дискурса и функционального стиля М. Н. Кожина указывает следующие:

«– **динамизм**, процесс **использования** языка, когнитивно-речевая деятельность;

– **детерминация** изучаемого объекта **экстралингвистическими** факторами, условиями производства речи (высказывания);

– принцип **системности** при использовании языковых средств; взаимосвязь последних, эксплицирующая **специфику** дискурса и функционального стиля;

– **историзм** как дискурса, так и функционального стиля;

– тексты (письменные и устные) как результат речевой (дискурсной) деятельности (воплощенность ее в текстах) и в то же время материал исследования;

– междисциплинарный метод анализа» [Кожина 2004б: 19. Выделено автором. – М. Ш.].

Однако именно в этих общих параметрах основных понятий сопоставляемых научных направлений М. Н. Кожина видит и «некоторые различительные характеристики» [там же: 19]. В частности, динамизм как отражение процессуальности самого речепроизводства свойствен дискурс-анализу, а не функциональной стилистике, поскольку она рассматривает в качестве своих объектов именно тексты, «стремясь за текстовой тканью увидеть процессы ее создания» [там же]. Для функциональной стилистики важно рассмотреть, как мыслительная деятельность субъекта речи отражается в тексте, принципах его развертывания, его структуре.

Об этом отличии дискурса пишет и В. А. Салимовский. Указывая на исходное положение обоих рассматриваемых дисциплин – объективация в текстовой деятельности общественного сознания, он утверждает, что функциональная стилистика и дискурс-анализ «сосредоточивают

внимание ... на разных его (общественного сознания. – М. Ш.) планах – соответственно на прочно сложившихся “идеологических системах” и на подвижной, изменчивой “жизненной идеологии”» [Салимовский 2002: 27].

И то и другое направления выходят «за пределы сугубо лингвистической стороны и собственно языковедческих методов анализа в экстралингвистику» [Кожина 2004б: 20]. Это означает, что изучение дискурса, стиля, подстиля, жанра сопровождается описанием экстралингвистических факторов и изучением их роли в процессах производства текста. Иными словами, в контексте нашего исследования необходимым оказывается описание всего многообразия внеязыковых условий продуцирования различных документов исполнительной власти, характеристика коммуникативной ситуации создания этих текстов.

Одним из основных экстралингвистических факторов, обуславливающих существование функционального стиля, является форма общественного сознания (право, политика, искусство, религия и т.д.), в то время как во французском дискурс-анализе опираются на дискурсную форму (термин М. Фуко). Именно степень обобщения, заключенная в этих понятиях (большая абстрактность *формы сознания* и большая конкретность *формации*), по мнению М. Н. Кожиной, «позволила функциональной стилистике представить достаточно стройную систематизацию изучаемых объектов: функциональных стилей, подстилей, жанров и т. д.» [Кожина 2004б: 18] и «вряд ли вообще позволяет дать какую-либо систематизацию» дискурсов [там же].

Представляется правомерным использовать математическую метафору: дискурс являет собой функцию от нескольких переменных (ср.: [Макаров 2003: 147]). Переменные – это различные параметры коммуникативной ситуации, включающие участников общения, условия, в которых оно происходит, а также форму речи (устную / письменную) – одним словом, любые характеристики коммуникативного пространства. При изменении хотя бы одного параметра, по нашему мнению, можно говорить о появлении нового типа дискурса. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные лингвистические исследования, предметом которых становится определенный выделенный автором на основании набора все тех же переменных вид дискурса. Например, эпистолярный дискурс, берущий начало от личной переписки, преобразующейся впоследствии в официальное – служебное – письмо и даже такую особую форму его существования, как письмо электронное. Или другой пример: инструктивный дискурс, включающий инструк-

ции к бытовым приборам, к лекарственным средствам, должностные инструкции, выделенный на основе особой интенции автора – дать указания, наставить, описать последовательность шагов адресата для достижения какой-либо цели. По-видимому, правомерно утверждать, что дискурс может быть выделен по какому-то одному параметру, функциональный же стиль формируется под влиянием целого комплекса факторов.

Полагаем, что для наиболее точного описания особенностей избранной нами в качестве объекта исследования группы текстов предпочтительно использовать понятие дискурса (дискурс исполнительной власти), а не функционального стиля, поскольку дискурс исполнительной власти не сопоставим в полной мере ни с одним из функциональных стилей (не равен официально-деловому стилю). Дело в том, что в процессе осуществления представителями исполнительной власти предписанных им государством функций они не только создают деловые (предписывающие или констатирующие) тексты, но и реализуют зачастую совершенно иные коммуникативные цели (информирование, совет, рекомендация и т. д.). Таким образом, при описании экстралингвистических оснований создания и функционирования этих текстов приходится опираться уже не на форму общественного сознания (как одно из самых обобщенных – стилеобразующих – условий), а на параметры особой коммуникативной ситуации, предполагающей общение представителей одной ветви государственного аппарата (исполнительной власти) между собой или с внешними коммуникантами (гражданами, уполномоченными общественных объединений, представителями СМИ и др.). Иными словами, придерживаясь методики функционально-стилистического исследования и описания материала, мы вынуждены при этом использовать термин родственного и в то же время отличающегося речеведческого направления – дискурсного анализа, поскольку совокупность исследуемых нами текстов нельзя объединить ни в одно из структурных явлений функциональной стилистики – стиль, подстиль или жанр.

Несмотря на то что принцип системности в употреблении средств языка учитывается и в функциональной стилистике, и в дискурс-анализе, опора на методологию лингвистического анализа, принятую в функциональной стилистике, позволит, по нашему мнению, наиболее точно описать особую системность исследуемого в работе сегмента речевой деятельности представителей государственной власти, поскольку «этот вопрос (о специфической системности. – М. Ш.)... более детально проработан в функциональной стилистике – как в теоретическом плане,

так и на конкретном анализе материала» [Кожина 2004б: 20]. Чрезвычайно важно, по нашему мнению, выявить в текстах, принадлежащих сфере исполнительной власти, типичные разноразрядные языковые средства выражения различных текстовых категорий, а также языковые единицы, которые будут способствовать улучшению качества этих текстов (т. е. реализовывать описанные в культуре речи необходимые коммуникативные качества).

По справедливому замечанию М. Н. Кожинной, «речь как использование, употребление, функционирование языка неизбежно требует выхода в широкий контекст ее изучения, в междисциплинарные области» [там же: 12]. Междисциплинарность как методологический принцип, объединяющий анализ дискурса и функциональную стилистику, предполагает использование в качестве «фундамента», объясняющего речевую системность группы текстов, теоретических положений из смежных отраслей науки. Так, изучая тексты исполнительной власти, считаем необходимым опираться на правоведение вообще и теорию административного права в частности, в которых определено понятие исполнительной власти и детально описаны функции и виды деятельности этой ветви власти. Наряду с этим, безусловно, следует учитывать исследования в области политологии. Поскольку результатом мыслительной деятельности являются в основном документные тексты, то полезными могут оказаться и некоторые выводы документоведения и делопроизводства как наук о принципах составления и функционирования документных текстов.

В праве как сфере духовной культуры выделяют такие частные виды духовной деятельности: правотворческую (или законотворческую), интерпретационную, правоприменительную, консультативную, судебную и др. (см., например: [Карташов 1989]). Все перечисленные виды деятельности являются частными разновидностями дискурса правовой сферы общения. В результате любого из названных видов деятельности образуется особая группа текстов (которую также можно обозначить понятием *дискурс*), каждая из которых имеет свое назначение и определенную цель.

Применительно к документным и недокументным текстам, создаваемым исполнительной властью в пределах предоставленных ей полномочий, можно утверждать следующее: существует модель официально-делового функционального стиля, описанная в функциональной стилистике. При этом в каждой ветви власти в любой типичной ситуации официального и неофициального общения под влиянием дополнительных (неосновных) экстралингвистических факторов появляются новые разновидности речи, объеди-

ненные отличающимися от общестилевых особенностями употребления языковых средств разных уровней.

Создаваемые исполнительной властью тексты на основе дополнительных экстралингвистических факторов можно отнести к разным подстилям внутри официально-делового стиля, а некоторые – даже к межстилевым зонам на пересечении с публицистическим, научным и разговорным функциональными стилями. Но все вместе, формируемые представителями органов исполнительной власти для реализации ряда функций по управлению государством, эти тексты, описанные в условиях коммуникативной среды, составляют письменный дискурс исполнительной власти.

Поскольку «дискурс изучается совместно с соответствующими “формами жизни”» [Арутюнова 1990: 136], то для обоснования понятия *дискурс исполнительной власти* следует обратиться к характеристике коммуникации в сфере исполнительной власти, в частности, описать назначение и функции этой ветви власти в системе государства, выявить основных участников общения, а также определить их коммуникативные цели и задачи.

Иными словами, необходимо описать тот общественный институт, в рамках которого представитель исполнительной власти разворачивает свой дискурс, отражая специфические объекты по определенным правилам, используя при этом наиболее соответствующие формы высказываний и жанровые модели (ср. о медицинском дискурсе: [Фуко 1996: 52]).

Как известно, государственная власть делится на три ветви: законодательную, судебную и исполнительную. Исполнительную власть прежде всего связывают с государственным управлением. В юридической науке, в частности в теории административного права, ведутся споры о соотношении этих понятий, некоторые административисты утверждают, что государственное управление в узком понимании и исполнительная власть тождественны. Не вдаваясь в подробности юридических споров, приведем дефиницию, данную ученым-административистом Ю. Н. Стариловым, в которой связь этих понятий становится очевидной: «государственное управление – это целенаправленная организующая, подзаконная, исполнительно-распорядительная и регулирующая деятельность системы органов государственной исполнительной власти, осуществляющих функции государственного управления (обусловленные функциями самого государства) на основе и во исполнение законов в различных отраслях и сферах социально-культурного, хозяйственного и административно-политического строитель-

ства» [Россинский, Старилов 2009: 33]. При этом исполнение понимается как проведение в жизнь законов и подзаконных нормативных актов, а распорядительство – как использование для этого «необходимых юридически властных полномочий» [Административное право 2002: 47].

Главная цель исполнительной власти, по словам Ю. Н. Старилова, «заключается в качественном выполнении функций государственного управления. Однако исполнительная власть, будучи самостоятельной и независимой от других ветвей государственной власти, выполняет и собственные функции, задающие основные направления деятельности ее органов» [Россинский, Старилов 2009: 60]. К ним относятся:

- правоприменительная (исполнительная);
- правозащитная (соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина);
- социально-экономическая (создание условий для развития экономики и хозяйства, социально-культурного и административно-политического управления);
- функция обеспечения законности и соблюдения конституционного порядка в стране;
- регулирующая, в рамках которой осуществляются многие виды деятельности в контексте управления государством (руководство, контроль, координация, планирование, учет, прогнозирование и т. д.);
- нормотворческая, в соответствии с которой органы исполнительной власти принимают нормативные акты (подзаконное регулирование);
- юрисдикционная (применение к субъектам права мер государственного принуждения при нарушении ими правовых норм) [там же: 61].

Следует отметить, что в связи с изменениями в законодательстве (в частности, с выходом Указа Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и Федерального закона от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления») правоведы стали говорить (впрочем, может быть, более четко, чем раньше) о еще трех функциях органов исполнительной власти: 1) оказании государственных услуг, 2) реализации права граждан на обращение и 3) обеспечении доступа к информации о своей деятельности.

Государственное управление во всем многообразии перечисленных функций осуществляется внутри органов исполнительной власти, между ними (это внутренние отношения) и с негосу-

дарственными субъектами (внешние отношения) [Тихомиров 2001: 49]. На основании широкого перечня, представленного в указанной работе, можно утверждать, что основными участниками правовых отношений, а следовательно, **участниками общения** в сфере исполнительной власти становятся: 1) должностные лица и служащие органов исполнительной власти; 2) должностные лица и служащие других ветвей власти (законодательной, судебной, а также органов местного самоуправления); 3) представители общественных объединений; 4) представители предприятий, учреждений и организаций (российских и международных, в том числе СМИ); 5) граждане.

Перечисленные функции исполнительной власти и участники коммуникации позволяют установить возможные цели и задачи общения. Представители органов исполнительной власти, создавая различные тексты, преследуют **коммуникативные цели**:

- управлять (осуществлять государственное управление);
- регулировать общественные отношения (требовать и запрещать на основе правовых норм);
- обращаться с просьбой (в обращениях в другие органы власти);
- удовлетворять запросы граждан, представителей различных организаций;
- охранять права и свободы граждан;
- информировать. Любопытно, что информирование в чистом виде исходит от представителей власти редко, поскольку конструктивным принципом официально-делового стиля является императивность, предписательность. По словам российского исследователя-правоведа, занимающегося проблемами юридической деятельности, В. Н. Карташова, любая юридическая деятельность «относится к такому типу социально-преобразующей деятельности, который означает **обработку “людей людьми”**» [Карташов 1989: 13. Выделено нами. – *М. III.*], поэтому, даже создавая информативный текст, специалист осуществляет с помощью него «информационное воздействие» [Уткин 2014: 119].

Следует отметить, что этот перечень коммуникативных интенций не является исчерпывающим, поскольку, скорее всего, анализ конкретных текстов, создаваемых исполнительной властью в процессе реализации государственного управления, позволит выявить более частные коммуникативные цели субъектов описываемого нами типа дискурса.

Таким образом, можно предложить следующее определение письменного дискурса исполнительной власти: **письменный дискурс исполнительной власти** – особая разновидность ис-

пользования языка в когнитивно-коммуникативной деятельности должностных лиц органов исполнительной власти при осуществлении ее функций (управления, правотворчества, правоприменения, контроля и надзора за исполнением законов и др.), определяемая условиями общения исполнительной власти с различными субъектами и выражаемая в целостной системе жанров. Как и многие другие (юридический, законодательный, педагогический), письменный дискурс исполнительной власти является институциональным дискурсом, а значит, подчиняется правилам, принятым в этой сфере общения.

Дискурс как процесс использования языка фиксируется в текстах, поэтому обозначим соотношение понятий *дискурс* и *текст*, опишем их взаимообусловленность, тем более что, по словам В. З. Демьянкова, «противопоставление текста дискурсу стало очень значимым для филологического рассуждения по-русски» [Демьянков 2007: 95].

«В начале 70-х годов была предпринята попытка дифференцировать понятия *текст* и *дискурс*, бывшие до этого в европейской лингвистике почти взаимозаменяемыми, с помощью включения в данную пару категории *ситуация*» [Макаров 2003: 87]. Сейчас уже никто не поспорит, что «дискурс – это более широкое понятие, чем текст. Дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат (=текст)» [Кибрик, Плунгян 1997: 307]. Таким образом, получается, что дискурс отражает процесс создания и функционирования текста в определенной коммуникативной среде. Нельзя не согласиться с мнением Е. А. Баженовой о том, что «именно в среде текст приобретает свойства не только лингвистического, но и социально-культурного феномена» [Баженова 2001: 53]. Среда обуславливает параметры текста. Дискурс, безусловно, диктует тексту, каким ему быть, чтобы удовлетворять запросы всех участников коммуникативной ситуации.

В заключение важно установить соотношение понятий *текст* и *жанр*, которые находятся в родовидовых отношениях. В науке жанры трактуются как «определенные относительно устойчивые **тематические, композиционные и стилистические** типы высказываний» [Бахтин 1986: 254–255. Выделено нами. – *М. III.*]. Уточняя эту дефиницию, В. А. Салимовский определяет жанровую форму «как закрепленный социальным опытом, многократно используемый способ реализации типового авторского замысла (общей цели) некоторой совокупностью познавательного коммуникативных действий (в результативном плане субтекстов), подчиняющихся частным целям» [Салимовский 2002: 37].

Вполне понятно, что в правоведении не употребляется лингвистический термин *жанр*. В Приказе Минюста РФ от 04.05.2007 № 88 определено, что «нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти издаются только в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений.

Акты, изданные в ином виде (например, директивы и др.), не должны носить нормативный правовой характер <...>

Издание нормативных правовых актов в виде писем и телеграмм не допускается» [Приказ Минюста РФ № 88: п. 3 разд. 1].

Юридическая наука развивается, и исследователи права говорят о новых типах правовых актов, создаваемых исполнительной властью. В частности, перечисляют такие документы, как государственные целевые программы, стратегии, регламенты [Уманская 2014]. Реальная действительность показывает, что, помимо нормативных и индивидуальных (в правоведческой терминологии) правовых актов, органами исполнительной власти создаются тексты, которые не входят ни в одну из перечисленных групп и не относятся по жанровым признакам ни к одному из перечисленных документов. В частности, таковыми являются письма-ответы на обращения граждан, а также разнообразные информативные тексты (информация на официальных сайтах, пресс-релизы для СМИ, статистические данные, обзоры и др.). По нашему глубокому убеждению, именно они представляют наибольший интерес при описании совокупности текстов дискурса исполнительной власти, поскольку жанры официальной документации более или менее детально описаны в делопроизводстве и документной лингвистике. Несомненно, «классификация речевых жанров каждой из областей духовной культуры – самостоятельная задача, рассчитанная на перспективу» [Салимовский 2002: 35]. Исследования такого плана мы уже наблюдаем в современной стилистике (см. о предписывающих, ходатайствующих, уведомляющих жанрах прокурорской профессиональной деятельности: [Дускаева 2016]). А неописанные жанры ждут своего исследователя – их лингвистический анализ позволит конкретизировать представление о внутрестилевой дифференциации официально-делового функционального стиля и дополнить его жанровую систему.

### Список литературы

Административное право: учебник / под ред. Л. Л. Попова. М.: Юристъ, 2002. 697 с.

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.

Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 272 с.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 250–296.

Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обывденного языка // Язык, культура, общество: Пленарные доклады IV Междунар. науч. конф. (Москва, 27–30 сент. 2007 г.). М.: Моск. ин-т иностр. языков и др., 2007. С. 86–95.

Дускаева Л. Р. Прокурорский профессиональный стиль: стилевые черты и речевые жанры // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 2 (34). С. 50–58.

Карташов В. Н. Понятие и структура юридической деятельности // Юридическая деятельность: сущность, структура, виды: сб. науч. трудов. Ярославль: Изд-во Ярослав. ун-та, 1989. С. 12–32.

Кибрик А. А., Плузган В. А. Функционализм // Фундаментальные направления в современной американской лингвистике. М.: МГУ, 1997. С. 300–320.

Кожина М. Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стиль: межвуз. сб. науч. трудов. СПб.: Изд-во С.-Петерб.ГУЭФ, 2004а. С. 9–33.

Кожина М. Н. Речеведение: функциональная стилистика и дискурсивный анализ // Стил. Банялука, 2004б. С. 12–24.

Кожина М. Н. Размышления над вопросом о соотношении функциональной стилистики и дискурсивных исследований (с речеведческих позиций) // Stylistyka – XIV / под ред. проф. Ст. Гайды. Opole, 2005. С. 61–74.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: учебник. М.: Норма, 2009. 928 с.

Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с.

Серюо П. Как читают тексты во Франции: вступ. ст. // Квадратура смысла. М.: Прогресс, 1999. С. 12–53.

Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 35–73.

Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс: полный курс. М.: Изд. г-на Тихомирова М. Ю., 2001. 652 с.

Уманская В. П. Система правовых актов органов исполнительной власти: теоретические и прикладные аспекты: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 39 с.

Уткин Н. И., Тулаев А. Н., Кочнева Д. Г. Информационное воздействие как метод административно-правового регулирования органа государственной власти (на примере МЧС России) // Вестник С.-Петерб. ун-та ГПС МЧС России (электронный вариант СМИ). 2014. Вып. № 1. С. 119–126. URL: <http://vestnik.igps.ru/wp-content/uploads/V61/19.pdf> (дата обращения: 15.06.2016).

Фуко М. Археология знания / пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова; под общ. ред. Бр. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.

Чепкина Э. А. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 279 с.

Приказ Минюста РФ от 04.05.2007 № 88 «Об утверждении Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации».

Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти».

Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

## References

*Administrativnoe pravo: uchebnik* [Administrative law: textbook]. Ed. by L. L. Popov. Moscow, Jurist Publ., 2002. 697 p.

Arutjunova N. D. Diskurs [Discourse]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. N. Jartseva. Moscow, Sovetskaja enciklopedija Publ., 1990. P. 136–137.

Bazhenova E. A. *Nauchnyj tekst v aspekte politekstual'nosti* [Scientific text in terms of its polytextuality]. Perm, Perm State University Publ., 2001. 272 p.

Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Bakhtin M. M. The aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. P. 250–296.

Dem'jankov V. Z. Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydenного jazyka [Text and discourse as terms and words of everyday language]. *Jazyk, kul'tura, obshchestvo* [Language, culture, society]. Moscow, Moscow Institute of Foreign Languages Publ., 2007. P. 86–95.

Duskaeva L. R. Prokurorskiy professional'nyj stil': stilevyje cherty i rechevyje zhanry [Prosecutorial professional style: stylistic features and speech genres]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2016. Iss. 2(34). P. 50–58.

Kartashov V. N. Ponjatie i struktura juridicheskoj dejatel'nosti [The concept and structure of legal activity]. *Juridicheskaja dejatel'nost': sushchnost', struktura, vidy* [Legal activity: essence, structure, kinds]. Yaroslavl, Yaroslavl State University Publ., 1989. P. 12–32.

Kibrik A. A., Plungjan V. A. Funktsionalizm [Functionalism]. *Fundamental'nye napravlenija v sovremennoj amerikanskoj lingvistike* [The fundamental trends in modern American linguistics]. Moscow, Moscow State University Publ., 1997. P. 300–320.

Kozhina M. N. Diskursnyj analiz i funktsional'naja stilistika s rechevedcheskikh pozitsij [Discourse analysis and functional stylistics from the speech studies perspective]. *Tekst – Diskurs – Stil'* [Text – Discourse – Style]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics and Finance Publ., 2004a. P. 9–33.

Kozhina M. N. Rechevedenie: funktsional'naja stilistika i diskursnyj analiz [Speech studies: functional stylistics and discourse analysis]. *Stil* [Stil]. Banjaluka, 2004b. P. 12–24.

Kozhina M. N. Razmyshlenija nad voprosom o sootnoshenii funktsional'noj stilistiki i diskursnykh issledovanij (s rechevedcheskikh pozitsij) [Reflections on the question of relations between functional stylistics and discourse studies (from the speech studies perspective)]. *Stilistika–XIV* [Stylistics–XIV]. Ed. by prof. St. Gajda. Opole, 2005. P. 61–74.

Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [The foundations of discourse theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 280 p.

Rossinskij B. V., Starilov Ju. N. *Administrativnoe pravo: uchebnik* [Administrative law. Coursebook]. Moscow, Norma Publ., 2009. 928 p.

Salimovskij V. A. *Zhanry rechi v funktsional'no-stilisticheskom osveshchenii (nauchnyj akademicheskij tekst)* [Speech genres in terms of their functions and stylistics (scientific academic text)]. Perm, Perm State University Publ., 2002. 236 p.

Serio P. Kak chitajut teksty vo Frantsii [How texts are read in France]. *Kvadratura smysla* [Quadrature of sense]. Moscow, Progress Publ., 1999. P. 12–53.

Stepanov Ju. S. Al'ternativnyj mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti [The Alternative world, Discourse, Fact and principle of Causality]. *Jazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and science of the late

20<sup>th</sup> century]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1995. P. 35–73.

Tikhomirov Ju. A. *Administrativnoe pravo i process* [Administrative law and the process]. Moscow, g-n Tikhomirov M. Ju. Publ., 2001. 652 p.

Umanskaja V. P. *Sistema pravovykh aktov organov ispolnitel'noj vlasti: teoreticheskie i prikladnye aspekty*: avtoref. diss. d-ra jurid. nauk [The system of legal acts of executive bodies: theoretical and applied aspects. Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2014. 39 p.

Utkin N. I., Tulaev A. N., Kochneva D. G. *Informatsionnoe vozdejstvie kak metod administrativno-pravovogo regulirovanija organa gosudarstvennoj vlasti (na primere MChS Rossii)* [Information influence as a method of administrative and legal regulation of the state power authority (a case study of the Russian Ministry of Emergency Situations)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta GPS MChS Rossii (e-version of the media)*. 2014. Iss. 1. P. 119–126. Available at: <http://vestnik.igps.ru/wp-content/uploads/V61/19.pdf> (accessed 15.06.2016).

Fuko M. *Arkheologija znanija* [The Archeology of Knowledge]. Transl. by S. Mitin, D. Stasov. Ed. by Br. Levchenko. Kiev, Nika-Centr Publ., 1996. 208 p.

Chepkina E. A. *Russkij zhurnalistickij diskurs: tekstoporozhdajushchie praktiki i kody* [Russian journalistic discourse: text-generating practices and

codes]. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 2000. 279 p.

*Prikaz Minjusta RF ot 04.05.2007 № 88 «Ob utverzhdenii Razjasnenij o primenenii Pravil podgotovki normativnykh pravovykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noj vlasti i ikh gosudarstvennoj registratsii»* [Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation № 88 “On approval of the Rules Clarifications on application of Rules on preparation of normative federal executive authorities’ legal acts and their state registration” of 04.05.2007].

*Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federatsii ot 9 marta 2004 g. № 314 «O sisteme i strukture federal'nykh organov ispolnitel'noj vlasti»* [Presidential Decree of March 9, 2004 № 314 “On the system and structure of the federal bodies of executive power”].

*Federal'nyj zakon ot 02.05.2006 № 59-FZ «O porjadke rassmotrenija obrashchenij grazhdan Rossijskoj Federatsii»* [Federal Law № 59-FZ “On the order of considering appeals from the Russian Federation citizens” of 02.05.2006].

*Federal'nyj zakon ot 09.02.2009 № 8-FZ «Ob obespechenii dostupa k informatsii o dejatel'nosti gosudarstvennykh organov i organov mestnogo samoupravlenija»* [Federal Law № 8-FZ “On providing access to information about the activity of state bodies and local autonomy bodies” of 09.02.2009].

## EXECUTIVE DISCOURSE: THE CONCEPT REVISITED

**Mariya A. Shirinkina**

**Associate Professor in the Department of Russian Language and Stylistics  
Perm State University**

The paper considers the interrelation between discourse analysis and functional stylistics. Following the agreement between the main methodological principles of the two linguistic areas, the use of the concept *discourse* is justified when studying the corpus of texts produced by the executive officials in the process of acting according to the functions prescribed by law itself and described in theory of administrative law: law-enforcement, advocacy, socio-economic, norm-setting, regulating, jurisdictional, and other functions. It is explained that the discourse component of the approach is relevant to analysis of extra-linguistic factors during the executive interaction, while the stylistic component is relevant to that of linguistic means for representing a specific content. The extra-linguistic basis of the executive discourse is seen as a combination of factors, namely, the executive (bodies and officials) as subjects of communication, various kinds of their activity, functions exercised in the nation state by the branch, and other communication parties in this sphere, with their communicative goals. The paper presents an approximate list of the executive discourse genres, which are expected to be studied in terms of functional stylistics.

**Key words:** functional stylistics; discourse; discourse analysis; formal business text; extra-linguistic factors; executive written discourse.